
К ЮБИЛЕЮ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

Геннадий Муриков
(г. Санкт-Петербург)

Муриков Геннадий Геннадьевич, родился 19 января 1958 года в г. Пудож (Карелия), окончил филологический факультет Ленинградского университета, работал редактором отдела критики в журнале «Звезда», член редколлегии журнала «На русских просторах», ведет рубрику «Дневник критика» в журнале «Невский альманах». Автор около трехсот статей, опубликованных в центральных журналах и литературных газетах, и шести книг историко-литературной публицистики и критики. Лауреат премий журнала «Литературная учеба», журнала «Москва» к ее 60-летию и других.

В ПОИСКАХ ИСТИННОЙ ВЕРЫ

Имя знаменитого в свое время писателя, драматурга, а отчасти и публициста Леонида Андреева сейчас почти что позабыто. Его пьесы, в свое время по уровню театральных постановок превосходившие не только Горького, но даже Чехова, сейчас практически не ставятся, романы, повести и рассказы никто не читает. Почему? Может быть, иссяк интерес к той проблематике, которую этот писатель считал самой важной? Возможно. На фоне борьбы с коронавирусом рассуждения о жизни и смерти могут показаться глупыми, но, тем не менее, они остаются самыми важными для любого человека во все времена и эпохи.

В кругу литераторов Серебряного века этого писателя имя просияло по своему некоей не очень яркой звездой, которая позже угасла. Леонид Андреев не был большим мыслителем или идеологом, не стремился к созданию собственных творческих концепций и манифестов. Его в начале пути поддержал Максим Горький, они оба стремились к борьбе против капиталистов в защиту бедных. Но их пути быстро разошлись, и Леонид Андреев пошел по иному пути, близкому к символистам, иными словами — по пути религиозного обновления, но так и не смог создать собственного художественного направления или идеологии, хотя его проза и его пьесы в свое время были очень популярны и вызывали острейшие споры.

Одной из самых важных на этом пути, двойственном, но крайне своеобразном, несомненно, следует считать его знаменитую повесть «Иуда Искариот», опубликованную в «Сборнике товарищества "Знание" за 1907 год» (№ 16). В руководстве этого издательства состоял М. Горький, известный в то время своими взглядами, кото-

рые позже получили название «богостроительства». В то время очень остро стоял вопрос о том, является ли тогдашнее ортодоксальное христианство (в частности, православие), так сказать, *истинной* религией и более того, истинным «христианством». Возможны ли иные толкования истины, — рядом с Христом или помимо Христа. Эти вопросы весьма занимали тогдашнюю общественность, особенно литераторов, близких к кругам символистов. Прежде всего, следует упомянуть учение о «Третьем Завете» Д. С. Мережковского, не говоря уже о его предшественниках — Владимире Соловьеве и Льве Толстом.

Разумеется, Л. Андреев не мог обойти эту тему. И не то, чтобы не мог, она была для него центральной, самой насущной. Истинно ли историческое христианство? Был ли Христос Богом? Кем был Иуда? Это были не абстрактные вопросы для того времени. Только что в русском переводе вышли книги Давида Штрауса и Эрнеста Ренана, посвященные тщательному исследованию евангельских текстов. Эти авторы, ссылаясь на исторические свидетельства, рассматривали жизнь Иисуса Христа как реально существовавшего человека, а не Бога, тем самым частично повторяя существовавшую еще с IV века ересь арианства.

В этом контексте проблема так называемого «предательства» Иуды приобретала особый смысл. Следует вспомнить, что говорит о предательстве Иуды Св. Писание. Вот очевидные свидетельства из Евангелий: от Луки 22:47: «Когда Он еще говорил это, появился народ, а впереди его шел один из двенадцати, называемый Иуда, и он подошел к Иисусу, чтобы поцеловать Его. Ибо он такой им дал знак: Кого я поцелую, Тот и есть. Иисус же сказал ему: Иуда! целованием ли предаешь Сына Человеческого?». Евангелие от Матфея 37:3–6: *«Когда Иуда, предавший Иисуса, увидел, что Его осудили, то раскаялся и возвратил тридцать сребренников первосвященникам и старейшинам, сказав: «Согрешил я, предав кровь невинную». Но они сказали: «Что нам до этого? Это твоя забота!» Тогда он бросил серебряные монеты в храм, пошел и повесился. Первосвященники же подобрали монеты и сказали: «Не по закону это класть их в храмовую копилку, ибо это цена крови».* Но уже из этого как бы следует, что Иуда в Христа как Бога всеведущего не верил.

Теперь зададимся вопросом, — вместе с Леонидом Андреевым, — кого, собственно, и как мог ПРЕДАТЬ Иуда Искарот? Бога предать невозможно, он всеведущ, всезнающ, иначе он не был бы Богом. Предать в обычном смысле слова можно только человека или какие-то убеждения. И в том, и в другом случае речь вовсе не идет о богоотступничестве. Это ключевая тема повести «Иуда Искарот». Следует еще раз заметить, что ни о каком «предательстве» богочеловека и Иисуса Христа не может быть и речи, и даже мысль об этом кощунственна, потому что тем самым величие и всемогущество образа Божия несказанно умаляется.

Тогда что же? Неужели нужно пересмотреть всю евангельскую концепцию рождения и смерти Богочеловека, представив Его в духе арианской ереси простым человеком, хотя бы и праведником и пророком, которого все-таки можно «предать»? Вчитываясь в писания Ветхого завета, отметим, что мученическую смерть приняли и другие великие пророки, в числе которых, скажем, Исайя, Иезекииль. В этом не сомневаются даже крупнейшие теологи. С этой точки зрения в смерти Иисуса не было ничего сверхъестественного: погиб очередной еврейский пророк в ряду других еврейских пророков, да еще не самой мучительной смертью, как бы это не звучало цинично. Исайю распилили пополам в дереве, куда он спрятался, а Иезекиилю разорвали на части лошадьми.

Но если Иуда предал всего лишь пророка, и не то чтобы предал, а лишь доложил римским солдатам, где находится разыскиваемый ими Христос, поскольку иудейские первосвященники Каиафа и Анна прямо не решались сообщить Понтию Пилату о якобы существующем враге императора и римского народа, им нужен был провокатор, тем паче из числа ближайших учеников Христа, то есть из апостолов.

Сделаем небольшое отступление. Еще в 1906 году Л. Андреев написал рассказ

«Елеазар» (древнееврейское произношение имени Лазарь), посвященный судьбе Лазаря после его воскрешения. Рассказ этот необычайно интересен не как художественное произведение, а как некое мистическое видение самого автора. Окружавшие воскресшего на четвертый день после смерти Елеазара-Лазаря постоянно интересуются у него: «Отчего ты не расскажешь нам, Елеазар, что было там?» Но он не рассказывал». Л. Андреев предлагает свою версию: «Ибо та великая пустота, что объемлет мироздание, не наполнялась видимым, ни солнцем, ни луною, ни звездами, а царила безбрежно, всюду проникая, все отъединяя: тело от тела, частицы от частиц». И на кого бы ни посмотрел воскресший Лазарь из потустороннего мира, тот терял всякое понимание смысла жизни. Такова была цена пребывания на том свете даже в течение трех дней.

Если воскресение Лазаря, который по евангельскому сказанию — Ин. 11, 39: «Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе — является иносказательным намеком на будущую смерть и воскресение Христа, то современный читатель вместе с Леонидом Андреевым может задать вопрос: где находились Лазарь и Христос в течение трех дней после своей смерти? Годится ли ответ Л. Андреева из рассказа «Елеазар» о всепроникающей пустоте и в наши дни? Любопытно отметить, что одна из самых таинственных пьес писателя «Реквием» (1917 г.) открывается загадочным подзаголовком: «Все это происходит в пустоте». Видимо, понятие пустоты в каком-то широком космическом смысле было необычайно важно для писателя. А может быть, оно пронизывало и загадочную душу Иуды Искаротиота?

Вновь вернемся к образу Иуды Искаротиота. Действительно ли он провокатор, подкупленный иудейскими священниками с целью погубить пророка — конкурента — Иисуса Христа? Или его миссия состояла в чем-то другом? Леонид Андреев награждает Иуду Искаротиота крайне неприглядными чертами: будто бы он «сам крадет искусно и видом своим безобразнее всех жителей в Иудее», «всюду он лжет, кривляется, зорко высматривает что-то своим воровским глазом; и вдруг уходит внезапно, оставляя по себе неприятности и ссору, — любопытный, лукавый и злой, как одноглазый бес». «Иисуса Христа много раз предупреждали, что Иуда из Кариота — человек очень дурной славы, и его нужно остерегаться». Дальше описывается его неприятная внешность, он будто бы походил на «осьминога с огромными, неподвижными, тускло-жадными глазами».

Казалось бы, что в таком отвратительном человеке мог найти Иисус Христос? Тем более это удивительно, что дальше другие апостолы описываются самым противоположным образом: смелый и могучий Петр, готовый положить свою жизнь за Учителя, Иоанн — «красивый, чистый. Не имеющий ни одного пятна на снежно белой совести». И вот среди них Иуда — урод физический и нравственный. Как он оказался среди апостолов, самых близких Христу людей? На этот вопрос в повести никакого внятного ответа не дано. А мы попробуем его дать. Вспомним в знаменитую фреску Леонардо да Винчи «Тайная вечеря».

Иуда (№ 5) у Леонардо вовсе не выглядит ни похожим на осьминога, ни уродом с остекленевшим глазом, как у Л. Андреева, но художник намеренно и явно придает ему семитические черты, подчеркивая еще одну важную евангельскую мысль. Как известно, в момент осуждения Иисуса толпа евреев «голосовала» за распятие Христа (Матф. 27:25): «кровь Его на нас и на детях наших». По логике Евангелия с учетом самого имени — Иуда, мы видим, что Христа предало само иудейство в его как физическом, так и в религиозном смысле.

Но вновь и вновь возникает вопрос — можно ли предать Бога? Ответ: конечно же, нельзя, а значит, Господь сам выбрал и определил, кому быть предателем, так как без этого «предательства» смертная и бессмертная миссии Христа не могли бы осуществиться. Л. Андреев завершает свою повесть размышлениями и признаниями Иуды о том, что тот, дескать, по-настоящему любил Учителя, который якобы любил его, выполняя свою сверхзадачу, больше всех остальных учеников.

Под номером 5 Иуда, он в мешочке держит свои 30 сребреников. Именно он предал своего Учителя, Которого потом казнили. Самый первый Варфоломей (1), под номером 2 Иаков, а третьим сидит Андрей прозванный Первозванный (его брат апостол Петр). Под номерами 4 и 6 — Петр и Иоанн Богослов. Они разговаривают. Под номером 7 тоже Иаков Зеведеев. Под номером 8 — Фома (апостол), которого еще прозвали Неверующий. Под номером 9 — Филипп (апостол). Под номером 10 видим Левия Матфея. Под 11 номером тоже Иуда, но Фаддей. Не путать его с Иудой предателем. Под 12 номером сидит Симона.

Во время последней беседы Иуды с апостолами после казни Иисуса он восклицает: «Трусливые предатели перед вами. Где Иисус? Я вас спрашиваю: где Иисус?»

Было что-то властное в хриплом голосе Искарюта, и покорно ответил Фома:

— Ты же сам знаешь, Иуда, что Учителя нашего вчера вечером распяли.

— Как же вы позволили это? Где же была ваша любовь? Ты, любимый ученик, ты — камень, где были вы, когда на дереве распинали вашего друга?

— Что же могли мы сделать, посуди сам, — развел руками Фома.

— Ты это спрашиваешь, Фома? Так, так! — склонил голову набок Иуда из Кариота. И вдруг гневно обрушился:

— Кто любит, тот не спрашивает, что делать! Он идет и делает все».

Каков же итог? Видимо, его следует искать в словах, приписанных апостолу Иоанну: «Молчи! — крикнул Иоанн, поднимаясь.— Он сам хотел этой жертвы. И жертва его прекрасна!». Таким образом, нам раскрывается действительная роль Иуды. Он выполнил тайную волю Христа, а потому и мог быть одним из Его Возлюбленных. Судя по всему, Л. Андреев именно в этом видел глубочайшую религиозно-философскую миссию в образе Иуды. Такое ее понимание наложило важнейшую печать на все его творчество.

Леонид Андреев был не одинок в своих религиозно-философских раздумьях. Даже не касаясь учения о новом религиозном сознании Д. С. и З. Н. Мережковских, приведем забытое стихотворение малоизвестного ныне поэта-символиста Серебряного века Александра Рославлева (1883—1920) «Иуде».

*Из глубины померкнувших столетий
Явил ты мне, непонятый мой брат,
Твой жгучий терн в его победном свете.
Пусть гнусы о предательстве кричат!
Их мысли тупы, на сердцах их плесень,
Постичь ли им твой царственный закат.*

*Ты — свет певцам для вдохновенных песен,
Ты, как на башне, — выше облаков,
Откуда город меж просторов — тесен.
Проклятый город, медлище рабов,
Где скорбно — бледный, нищий их учитель
Бросает зерна рабских, нищих слов.
И с башни в город сходишь ты, как мститель,
За их права, несешь ковчег борьбы,
Чтоб дать им мощь и пирную обитель.
Вот распят Он, но лик Его судьбы
Не возбудил кровавой жажды мщенья.
Рабы стоят и смотрят, как рабы.
Ты проклял их. Преодолев сомненья,
Прозрел в веках, достойнейших тебя,
И смерть твоя — святое утверждение,
Что ты спасал, страдая и любя.*

Этим как бы подтверждается, если не все вышесказанное, то очень многое. Но в размышлениях Л. Андреева есть ряд несообразностей. Их можно списать на слабую подготовку писателя в области религиозно-философского мышления или считать их сознательными, отчасти даже провокативными действиями. Тут следует упомянуть, что при написании повести Л. Андреев постоянно советовался с М. Горьким, у которого он в то время жил на Капри, и тот часто давал ему советы об исправлении неточностей, а также предоставлял нужную литературу. Богоборец и богостроитель Максим Горький, с одной стороны, и таинственный мистик Леонид Андреев неожиданно сходятся в одном — странном понимании образа Иуды Искарриота.

При чтении этой повести на первой же странице удивляет такое странное утверждение: «Детей у него (Иуды из Кариота — Г.М.) не было, и это еще раз говорило, что Иуда — дурной человек и не хочет Бог потомства от Иуды». Любой человек, даже не христианин, а, скажем, иудей или мусульманин, может сразу задать вопрос: а были ли дети у апостолов. У некоторых апостолов дети были, а у некоторых, более молодых и неженатого Иуды из Кариота, детей не было. Означает ли это, что апостолы без детей также были прокляты Богом? К тому же — самое важное свидетельство, что сам Иисус Христос детей не имел, что совершенно определенно признает сама Святая Церковь. Значит ли это, что Л. Андреев сознательно стал еретиком, в чем-то сравнивая Христа с Иудой Искарриотом? Или речь идет о чем-то более тонком, более глубоком, что писатель, возможно, таил в подсознании? Наша эпоха, в чем-то — в идейном раздвиге, в пресловутой «полифонии» взглядов — повторяет эпоху Серебряного века, уступая ей разве что в идейной масштабности. А религиозно-нравственные искания остаются. Может быть, в них и суть *русского* мышления. Леонид Андреев из тех писателей и мыслителей, которые поставили перед нами глубочайшие и сложнейшие вопросы. Нам их решать.

ТРАГЕДИЯ ЛИЧНОСТИ

Я уверен, что есть два разных понятия: Л. Андреев — прозаик и он же — драматург. Почему это так? Суть вопроса в том, что как прозаик он хотел да и мог, хотя бы отчасти (под воздействием М. Горького), воспроизвести окружающую его реальность, то есть был отчасти «реалистом». В самом деле ничего особенного и сверхъестественного в его прозе конца 1890-х — начала 2000-х годов нет. «Баргамот и Гараська», «Петька на даче», «Большой шлем» и другие рассказы, которые дали известность Л. Андрееву как бытописателю. Это, по-видимому, сблизило его с Макси-

мом Горьким, что, на мой, взгляд не довело его до добра. Важнейшие прозаические произведения Л. Андреева также, как и ранние Горького, относятся к тематике богоборчества и так называемого богостроительства и даже провозглашенной в то время псевдорелигии человека. Но по-другому Леонид Андреев проявил себя в драматургии. Видимо, по его складу личности именно сценическое действие было ему близко.

Всю жизнь Леонид Андреев был богоборцем и искателем новых религиозных истин. Отчасти об этом упоминалось выше, но, на мой взгляд, наиболее ярко образ мышления Л. Андреева проявился в его драматургии. В свое время, то есть в эпоху Серебряного века — между двух революций — его пьесы были чрезвычайно популярными. Постановка первой его пьесы «К звездам» (1905 год), принятая в МХТе К. С. Станиславским, была запрещена цензурой, В. Э. Мейерхольд в 1907 году поставил в театре Веры Комиссаржевской «Жизнь человека», а В. И. Немирович-Данченко в 1910 г. поставил в МХТе «Анатэму».

Мне кажется, что самой главной и основной пьесой Л. Андреева стала пьеса «Самсон в оковах» (1914 г., опубликована после смерти автора в журнале «Современные записки» в Париже), которая никогда не ставилась при жизни драматурга. Поэтому ее следует отнести к известному немецкому жанру *Lesedrama*, т.е. пьеса для чтения. Многие известные писатели и драматурги, в том числе Гете, Шиллер, не были уверены, что их пьесы будут поставлены в современных им театрах, поэтому писали для широкого круга читателей.

Драматургия и театр (если его можно так назвать) Л. Андреева — это целая эпоха российской реальности. Тут были и взлеты, и провалы. Нельзя сказать, что Л. Андреев был апологетом какой-то четкой или однозначной идеи. Сама его натура, движущаяся, колеблющаяся, не позволяла ему на чем-то остановиться, примкнуть к какому-то движению или партии.

Думаю, что пьеса «Самсон в оковах» — это почти завещание драматурга. Пьеса якобы основана на библейском предании об ослеплении Самсона, о чем подробно говорится в Библии, но для Л. Андреева вся ветхозаветная история со страданиями и гибелью Самсона превращается как бы в своеобразную автобиографию, а одновременно и судьбу русской интеллигенции. Что такое слепота Самсона? Это знак того, что он не видит и не может видеть все, он ограничен в своем видении, поэтому ошибается, идет порой поперек воли Божьей, — это для него некий порог восприятия. Это и есть извечная ограниченность человека (вспомним пьесу Л. Андреева «Жизнь человека»). Судьба ослепленного Самсона для Л. Андреева — это по сути судьба интеллигенции, которая в полуослепленном начале борется за власть и с ужасом поняла, к чему это привело.

Пьеса явно автобиографическая, чувствуется в образе Самсона намек на самого себя, он как бы ослеплен, впотымах, бессознательно пытается разорвать какие-то оковы, но не может этого сделать.

Драматургия Андреева отличается кардинально от горьковской. Горький по складу своего дарования не мог создавать ярких характеров и драматических — именно драматических — ситуаций, поэтому все его пьесы (после «На дне», основанной на жизненном опыте) являются скучнейшими произведениями, которые практически никогда не вызывали интереса. За исключением постановок Георгия Товстоногова в БДТ им. Горького в советское время и основных московских театров. В наши дни пьеса «Мещане» с успехом («Золотая маска») идет в СПб в театре «На Васильевском». Проблематика пьес Горького в наше время, на мой взгляд, устарела, — это не случайно. Так называемая борьба за права человека, которую Горький то поддерживал, то отрицал, обернулась в наши дни борьбой за права гомосексуалистов и ЛГБТ.

Леонид Андреев попал в другую театральную ловушку: он был новатором. Не совсем, конечно, — шел за Ибсеном и Метерлинком, — но шел своим путем. Он старался важные для его времени сюжеты воплотить в аллегорические и символические

образы. Леонид Андреев в 1906 году снова сближается со своим учителем Максимом Горьким, как он называет его в своей биографии, и даже приезжает к нему на Капри, где тот жил в это время. Между ними возникли разногласия по поводу роли науки в грядущей социалистической революции. Горький считал, что «передовые представители народа» увлекут за собой «отсталых ученых» (пьеса «Дети солнца», 1903 г.). М. Горький уже тогда стремился к эпатажу и скандалам. Художественные образы героев, столкновения характеров ему были чужды. Это и стало причиной расхождения и последующей вражды литераторов, которое продолжалось до самой смерти Л. Андреева.

Но есть удивительные места в творчестве Л. Андреева, которые до такой степени поражают меня и наших современников, что иногда Л. Андреев кажется почти что проридцем. Я думаю, что оба его сына — Вадим и Даниил, особенно последний, глубоко погруженные в оккультные науки, каким-то образом предчувствовали нашу современную действительность. В 2021 году, и перед этим около года, шло следствие по делу петербургского доцента Соколова, осужденного за убийство и расчленение своей любовницы на 12,5 лет. Кажется удивительным, как ученый, научный работник мог совершить такое преступление, допустим даже из ревности. У Даниила Андреева есть повесть «Мысль» и пьеса — инсценировка на аналогичную тему. Я обращаю внимание на эти сочинения, поскольку они необычайно близки (как ни странно — прошло сто лет) нашей эпохе. Герой пьесы «Мысль» убивает любовника своей жены и при этом рассуждает так: «Во мне скрывался недожизненный актер, способный сочетать естественность игры, доходившую временами до полного слияния с олицетворяемым лицом». Оба персонажа — и в пьесе, и в повести — рассуждают так: то ли он убил его (своего соперника), потому что сошел с ума, то ли убил и притворяюсь, что сошел с ума. Где грань, — спрашивает он самого себя, — между целенаправленным убийством и сумасшествием? Думаю, что так же мог рассуждать и доцент Соколов: где грань между сознанием и подсознанием, — и кому можно задать этот вопрос? Вот основные темы последних сочинений Леонида Андреева, смысл которых в полной мере не разгадан до настоящего времени.

После убийства герой пьесы попадает в сумасшедший дом, где рассуждает так: «Боюсь думать, но, кажется, я никогда не переставал быть романтиком. И чуть ли я не был идеалистом. Я верил в человеческую мысль и в ее безграничную мощь. Вся история человечества представлялась мне шествием одной торжествующей мысли».

А что же это была за мысль? Нашему современнику она может представляться по-разному: это либо идеал всемирного коммунизма и мировой революции или идеал капитализма с обезьяньим лицом. Леонид Андреев, скончавшийся в 1919 году, не мог полностью осознать ни того, ни другого, зато оба его сына все это отчетливо поняли.

Конечно, одной из самых важных и определяющих тем в творчестве Л. Андреева является тема, важная как для его духовного покровителя М. Горького, так и для некоторых символистов и футуристов, — это тема «человекобожия». Одно из самых значительных произведений Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» имеет такой подтекст: священнику-бунтарю и сектанту Василию Фивейскому пришла в голову мысль, что он может совершить чудо и поспорить с Господом Богом. Разумеется, эта надежда оказалась бессмысленной, и герой этой повести печально окончил свою жизнь.

В других рассказах автор продолжает размышлять об этом. Ключевой на этом поприще является его повесть «Мысль», позже переработанная в драму. Не углубляясь пока в сюжет этой повести, обратимся к некоторым другим мыслям художника. Герой повести «Мысль» рассуждает примерно так: «Для меня нет судьбы, нет закона, нет недозволенного. Все можно. Вы можете себе представить мир, в котором нет закона притяжения, в котором нет верха, низа, в котором все повинуетя только прихоти и случаю? Я, доктор Керженцев, этот новый мир. Все можно». Кто такой доктор

Керженцев, поговорим в дальнейшем. Здесь же необходимо подчеркнуть, что Андреев следует известной мысли Достоевского: если нет Бога, все можно. Л. Андреев примерно рассуждает так: существует какая-то «мысль», которая вовсе не христианский Бог, а в разных его сочинениях называется «некто в сером», «некто, стоящий у стражей ворот», — то есть что-то неопределенное, но далекое от понимания догматов христианства.

В одном из самых скандальных рассказов того времени — «Рассказ о семи повешенных» (1908 г.) — Л. Андреев как бы нарочно связывает судьбу принципиальных революционеров-террористов с уголовниками. Но на чьей стороне его симпатии, — читателю остается только догадываться, потому что история ликвидации террористов под его пером приобретает псевдохристианский облик: дескать, с одной стороны истинные борцы, а с другой стороны — те бандиты, которые в свое время висели на разных крестах около Иисуса Христа. Один из разбойников сказал Иисусу: Евангелие от Луки 34: «⁴² И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда прийдешь в Царствие Твое! ⁴³ И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю». Для того, чтобы правильно понять, что понимал Л. Андреев под образом Христа, — то ли он видел в нем пророка, то ли проявление неких высших сил, — надо глубже вчувствоваться в его сочинения. И ответ будет неоднозначным.

Важнейшая мысль Л. Андреева — это проблема, возможно ли человеку творить чудеса. Да или нет? Этому посвящена одна из ранних его повестей «Жизнь Василия Фивейского»; она так или иначе повторяется в пьесах «К звездам», «Царь Голод», «Анатэма» и др. Дело не в том, что автор как бы не верит в чудеса, а в том, что ему не нравится традиционная христианская религия.

Здесь подходим к самому интересному вопросу, который был необычайно важен на рубеже XIX—XX веков и в первых десятилетиях XX века (равно как и сейчас). Это вопрос о распаде так называемого исторического христианства, которому в частности Д.С. Мережковский посвятил основные свои религиозно-философские произведения, о чем я уже неоднократно писал. Брюсов бросил его супруге З. Гиппиус («Неколебимой истине») вызывающий стих:

*Неколебимой истине
Не верю я давно,
И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно.
Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья,
И Господа, и Дьявола
Хочу прославить я.*

Все существо, весь смысл эпохи так называемого Серебряного века было направлено на поиски новой веры, новой религии. «Историческое христианство» казалось тогда (как, впрочем и теперь) пустым набором бессмысленных догматов.

В чем же истинная вера? Этот вопрос задают себе все писатели и мыслители того времени, в том числе среди них и Л. Андреев. Но он человек внутренне колеблющийся и постоянно сомневающийся в правоте тех или иных положительных установок. Его лучшие герои все время стремятся куда-то «к звездам», так же, как и профессор Сторицын — герой одноименной пьесы. Более того, один из персонажей пьесы «Анатэма» пятидесятивосьмилетний Давид Лейзер, еврей по духу и принципу своей деятельности, вовсе не мечтатель, а обычный торговец, вдруг получив огромное наследство (4 миллиона тогдашних) от своих родственников из США, решает его раздать бедным. Казалось бы, неожиданная благотворительность, будто бы сам Андреев писал об этом. «Основанием "Анатэмы" служит следующий факт, который сильно по-

разил меня: в одном из больших южных городов (не помню, в Харькове, Одессе или Киеве) умер очень богатый еврей, который при жизни все свое состояние роздал нищим, и по смерти его последние пожелали схоронить богача на свои средства». Однако, суть пьесы далеко не в этом. Л. Андреев, так же, как и впоследствии М. Булгаков («Мастер и Маргарита»), сознательно искажает имена персоналий христианской веры. Слов «Анатэма» (имя героя пьесы Андреева) употреблено вместо христианского понятия «анафема», то есть «отлучение христианина от общения с верными и от таинств, применяемое в качестве высшего церковного наказания за тяжкие преступления (прежде всего за измену православию и уклонение в ересь или раскол) и соборно провозглашаемое»*. Попросту говоря, это синоним слова «дьявол».

Но как ни странно, этот Анатэма практически побеждает некие божественные силы, которые воплощены в образе, названном «Некто, ограждающий входы». Хочу заметить, что этот образ был упомянут автором еще раньше в пьесе «Жизнь человека», где он был назван «Некто в сером». И тут, и там для Андреева эти персонажи — некий протообраз бога, но бога, отнюдь не всемогущего, почти что сомнительного. Бога, которого еще надо искать,— отсюда вытекает богоискательство и богостроительство.

Многие литераторы того времени считали богом человека, так называемого богочеловека. Маяковский заканчивает поэму «Человек» словами:

*Тысячью церквей
подо мной
затянул
и тянет мир:
«Со святыми упокой!».*

Андрей Белый свою повесть «Человек» заканчивает так: «Звуки света в нас вписаны; песнь солнценосцев ясна; звукословием встретим же, братья, сходящую Душу из звукосветных, глаголющих голубизн... на заре!». Горький пишет рассказ «Рождение человека», не считая уж знаменитого афоризма Сатина из пьесы «На дне»: «Человек — это звучит гордо». Леонид Андреев, прекрасно понимая, что так называемая религия «человека» не может быть воплощена в жизнь, слегка иронизирует над своими современниками. В Пьесе «Профессор Сторицын» есть прямо-таки издевательские строки по поводу «красоты, которая спасет мир» Достоевского. Герой считает, что смыслом жизни является «завет о красивой жизни», будто бы кроме осуществления красивой жизни ничего другого в жизни не существует. В пьесе есть явная пародия и на сочинения А. Белого. Профессор Сторицын признается своей возлюбленной: «В ваших глазах золото и лазурь». Приведу отрывок из стихотворения «Андрея Белого:

*Поэт, — ты не понят людьми.
В глазах не сияет беспечность.
Глаза к небесам подними:
с тобой бирюзовая Вечность.*

Все эти мысли приписаны автором профессору Сторицыну, главному герою пьесы «Профессор Сторицын» и отчасти главному герою Терновскому из пьесы «К звездам», причем, ни тот, ни другой к звездам не добиваются. Обоих героев ждет впереди раскаяние и смерть, так же, как самого Леонида Андреева. Вот что он писал в одной из последних своих статей, названной со злой иронией «*Veni, Creator Spiritus*

* Цит; интернет, Википедия.

tus!» — Приди, Дух Творящий! (лат.), вышедший на страницах «Русской воли» 15 сентября 1917 года.

В этом памфлете писатель с горечью говорит о том, как рухнула вся русская культура после февральской революции. «Сгущается бездонная тьма, кромешный мрак. Ни единого огня, ни единого голоса — безмолвие и тьма. Мне страшно. Как слепой мечусь я в темноте и ищу Россию: — Где моя Россия? Мне страшно. Я не могу жить без России. Отдайте мне мою Россию! Я на коленях молю вас, укравших Россию: отдайте мне мою Россию, верните, верните!». Этот памфлет, почти что призыв, поражает не только своей эмоциональностью, но также удивительным прозрением, что за Керенским грядет еще что-то более страшное: «Густится мрак, и во мраке я слышу голос: — Идущий за мною сильнее меня. Он будет крестить вас огнем и соберет пшеницу в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым».

Л. Андреев умер в 1919 году и, конечно, не мог знать, что совершится дальше на полях любимой его России.

